

А.А. Фишер

**Взгляд на психологическую
теорию чувственного
восприятия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Фишер**
Взгляд на психологическую теорию чувственного восприятия / А.А. Фишер –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 41 с.

ISBN 978-5-458-15370-6

Человек естественно равнодушен ко всему обыкновенному и ежедневному; удивления своего он удостоивает лишь то, что по видимому выходит из общего порядка вещей, не подозревая, что этот самый порядок есть удивительнейшее из всех чудес, и что премудрое всемогущество Творца, налагая печать своей безконечности на все свои творения, отнюдь не стесняется тем ограниченным масштабом.

ISBN 978-5-458-15370-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

весьма тѣсно связанъ съ понятіемъ каждаго о существованіи души и отношеніи ея къ тѣлу; рѣшеніе ихъ необходимо также должно было быть различнымъ по мѣрѣ усовершенствованія Физики внѣшняго міра и физиологическихъ нашихъ познаній о человѣческомъ организмѣ. Особенно замѣчательны въ этой теоріи нѣкоторыя основныя положенія, предварительно принятые за несомнѣнныя: хотя они не больше, какъ ни на чемъ не основанные предразсудки; но между тѣмъ они слѣдвали, такъ сказать, стереотипами и непременно должны были вводиться и вводились въ заблужденіе, доколѣ считали ихъ непреложными истинами. Вотъ важнѣйшія изъ сихъ положеній; 1) всякій предметъ можетъ дѣйствовать на другіе предметы или подвергаться ихъ дѣйствию только въ томъ пространствѣ, гдѣ онъ присущъ; 2) одни только однородные предметы могутъ взаимно дѣйствовать другъ на друга. Если послѣднее положеніе принимать въ строгомъ смыслѣ, то надлежитъ признать самую душу также матеріею, только болѣе тонкою, когда въ воспріятіи ея имѣетъ хотя какое-либо участіе міръ внѣшній; если же предполагать душу и тѣло существенно различными, то на основаніи послѣдняго положенія надобно отвергнуть всякую связь души съ тѣломъ и взаимное ихъ другъ на друга вліяніе, какъ то и дѣйствительно дѣлали нѣкоторые знаменитые Философы: Декартъ, Лейбницъ и другіе. Напротивъ, первое положеніе есть плодъ жалкаго состоянія Физики, въ которомъ находилась она до новѣйшихъ временъ. Ученые тогда увѣрены были, — **непостижимое самообольщеніе!** — что они совершенно понимаютъ движеніе, производимое или сообщаемое *только*, пони-

мають по той мнимой причинѣ, что при этомъ движеніи тѣло находится тамъ, гдѣ дѣйствуетъ (между тѣмъ и здѣсь оно только на предѣлахъ толкаемаго имъ тѣла, а не въ пространствѣ, послѣднимъ тѣломъ занимаемомъ): почему они или отвергали всякое движеніе *динамическое* (движеніе на разстояніи и между тѣмъ безъ всякаго посредства) и *жизненное* (происходящее отъ внутренняго начала), или если не могли этого сдѣлать, то не пренебрегали ни одной гипотезой, какъ бы она нелѣпа ни была, для того чтобы послѣднія движенія подвести къ движенію, производимому толчкомъ, какъ единственно понятному и слѣдовательно единственно возможному. Какъ силенъ былъ этотъ послѣдній предразсудокъ, очевидно явствуетъ изъ того, что всѣ почти теоріи стремились открыть какое-нибудь соприкосновеніе (столкновеніе) внѣшняго предмета съ душою, дабы отсюда объяснить измѣняющееся состояніе послѣдней, т. е. воспріятіе. Такъ какъ воспріятія зрѣнія, по причинѣ отдаленнѣйшаго разстоянія ихъ предметовъ, представлялись удивительнѣе всѣхъ прочихъ, то большая часть попытокъ къ объясненію всѣхъ вообще воспріятій была приравливаема прямо къ нимъ, и предполагая, что всѣ прочія воспріятія совершаются точно такимъ же образомъ, перенесли къ послѣднимъ то, что принимали за достовѣрное относительно зрѣнія. По этой причинѣ въ теоріи чувственнаго воспріятія встрѣчается множество выраженій, которыя относятся собственно только къ воспріятію зрѣнія, отнесенныя же къ другому какому-либо чувству кажутся странными. Въ самомъ дѣлѣ, что думать, встрѣчая выраженія: *воззрѣніе* по обонянію, *образъ* вкуса и т. д. ?

Представляя краткое историческое обозрѣніе постепеннаго развитія и усовершенствованія Теоріи чувственнаго воспріятія, мы намѣрены, на основаніи одного только опыта и безъ всякаго пристрастія къ какой-либо умозрительной системѣ, изслѣдовать, сколько довѣрія заслуживаетъ эта Теорія, и въ какой мѣрѣ она удовлетворяетъ предположенной ей цѣли объясненія.

Демокритъ Абдеритянинъ (род. около 454 г. до Р. Х.) былъ первый представившій нѣкоторое объясненіе чувственнаго воспріятія. Онъ думалъ, что отъ поверхностей тѣлъ исходятъ и по всѣмъ направленіямъ распространяются извѣстныя истеченія, ихъ образы (*idola, phantasmata, imagines, simulacra rerum*), которые чрезъ чувственный органъ втѣсняются въ душу и производятъ въ ней воспріятіе. Ученіе Демокрита усовершенствовано Эпикуромъ и его школою (1). Отъ *Платона*, коему, при его восторженности непреходящими, сверхчувственными идеями, чувственныя воспріятія казались не болѣе какъ только видѣніемъ тѣней (2), мы не въ правѣ ожидать особеннаго объясненія этой низшей функціи нашего духа; но тѣмъ справедливѣйшія въ этомъ отношеніи притязанія имѣемъ мы на *Аристотеля*, для котораго чувственное воспріятіе должно было имѣть особенную важность, потому что оно, по его мнѣнію, есть источникъ всѣхъ нашихъ познаній. Впрочемъ и его объясненіе крайне недостаточно и неудовлетворительно. Предметы, говорить онъ, отпечатлѣваютъ въ нашихъ чувствахъ свои

(1) См. Поэму Лукреція: *De rerum natura*.

(2) См. 7-ю книгу его о Республикѣ.

образы, виды или формы (*species sensibiles*), которые одни и составляют предметъ нашихъ воспріятій; чувственные эти виды душа наша потомъ, особенными врожденными ей силами, сохраняетъ, обдѣлываетъ и отрѣшаетъ отъ всего вещественнаго, такъ что они содѣлываются мало по малу предметами памяти, воображенія и наконецъ чистаго ума. — Такъ какъ Аристотель не имѣлъ анатомическаго познанія о нервной системѣ и объ участіи ея въ воспріятіи, то для него (воспріятія) онъ нигдѣ не могъ искать другаго мѣста, какъ только въ самыхъ органахъ потерпѣвшихъ раздраженіе, — мнѣніе, отъ котораго позднѣйшіе Психологи, при большемъ усовершенствованіи Физиологіи, отказались и, какъ извѣстно, воспріятіе перенесли въ мозгъ. Ученіе Аристотеля оставалось господствующимъ въ продолженіе многихъ столѣтій и Схоластиками доведено было до удивительныхъ тонкостей, а нерѣдко и до нелѣпостей, пока наконецъ въ XVII столѣтіи *Декартъ* новою гипотезою не вытѣснилъ старой, ничего конечно не объяснявшей. — Послѣдній хотя совершенно отличалъ протяженное, матерію, отъ простаго, мыслящаго существа, духа, но не смотря на то училъ, что душа мѣстно присутствуетъ въ той части мозга, которая называется кегельною желѣзкою (*glandula pinealis*) и въ которой сходятся, по его мнѣнію, всѣ нервы. Не образы предметовъ чрезъ чувства переходятъ въ душу, но предметы дѣйствуютъ на чувственные наши органы и тѣмъ производятъ извѣстное теченіе жизненныхъ духовъ въ вервахъ и въ полостяхъ мозга. Впрочемъ, эти видоизмѣненія не служатъ *причиною содѣйствующею* происхожденію чувственныхъ воспріятій (которые

Декартъ равно какъ и всѣ прочія представленія называетъ *идеями*), но составляютъ только *случаи*, при коихъ Божественное могущество само производитъ въ духѣ нашемъ извѣстныя идеи: ибо духъ и тѣло, какъ совершенно противоположныя субстанции, никакъ не могутъ дѣйствовать другъ на друга. Такова извѣстная система *assistentie divinae*, въ главныххъ ея чертахъ представленная самимъ Декартомъ, усовершенствованная же послѣ Гюёдинксомъ и Малембраншемъ (1). Ученіе, что душа наша, никогда не выходящая за предѣлы собственнаго сознанія, занимается исключительно однѣми только своими идеями (представленіями) и сама непосредственно не воспринимаетъ виѣшнихъ предметовъ (или ихъ образовъ, какъ говорили Аристотелики), сопровождалось весьма важными слѣдствіями: ибо всей новѣйшей Философіи дало совершенно другую точку исходную; съ одной стороны положительно предуготовило послѣдовавшій за тѣмъ скептицизмъ и идеализмъ, а съ другой отрицательно, какъ то почти всегда случается съ крайностями, вызвало прямо противоположный ему взглядъ матеріализма. Тогда заключали такъ: если, при предположеніи существеннаго, совершеннаго различія между душою и тѣломъ, видимо господствующаго между ними взаимодѣйствія, котораго оспаривать мы никакъ не можемъ, объяснить иначе нельзя, какъ только неизрестанно совершающимся чудомъ, постояннымъ по-

(1) Впрочемъ надобно замѣтить, что Декартъ несогласенъ былъ самъ съ собою относительно того, гдѣ помѣстить воспринимаемую душою идею, въ ней ли самой, или въ мозгу. Малембраншъ рѣшаетъ вопросъ прямо въ пользу первой. Подобную же нерѣшительность замѣчаютъ и въ Локкѣ.

средничествомъ самого Божества, то гораздо простѣе и съ ходомъ природы сообразнѣе думать, что между обоими этими началами нѣтъ никакого существеннаго различія. *Нютонъ* и *Кларкъ* полагали, что образы вещей составляютъ во внутреннѣйшей части мозга, называемой *sensorium commune*, и воспринимаются душою, въ томъ же самомъ мѣстѣ присущею.

Джонъ Локкъ, пріобрѣтшій себѣ большую извѣстность своимъ *Essay concerning human understanding*, хотя во всемъ прочемъ былъ противникъ Декарта, но относительно ученія о чувственномъ воспріятіи держался его главнаго положенія, что мы непосредственно воспринимаемъ не внѣшніе предметы, но только ихъ *идеи*, которыя однѣ и составляютъ исключительный предметъ нашего ума. Самый умъ Локкѣ уподоблялъ камерѣ-обскурѣ съ небольшимъ отверстіемъ, сквозь которое проходятъ и образуются внѣшніе видимые образы или идеи предметовъ. Впрочемъ мы обязаны Локку строгимъ разграниченіемъ тѣлесныхъ свойствъ на *главныя*, которыя принадлежатъ матеріи первоначально и отъ нея нераздѣльны, каковы протяженіе, плотность, фигура и движенія, и на *подчиненныя* или *второстепенныя*, каковы: цвѣтъ, звукъ, запахъ, вкусъ; въ предметахъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго послѣднимъ качествамъ, а есть только сила при извѣстныхъ обстоятельствахъ производить въ насъ ихъ воспріятія. Это важное различіе заключается и въ ученіи Декарта, только въ немъ оно выражено не такъ ясно и опредѣленно.

Нисколько не удивительно, что *Беркли* (Епископъ Ирландскій), строя на томъ же основаніи, дошелъ до мысли, что внѣшній міръ самъ въ себѣ совсѣмъ

не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить Картезіево-Локково положеніе, что мы воспринимаемъ однѣ только идеи, а не самые предметы, то рядъ Берклиевыхъ умозаключеній нисколько не предосудителенъ. Ибо если идеи нигдѣ не могутъ существовать кромѣ нашего духа, въ немъ же только тогда существуютъ, когда воспринимаются, и если какой-либо идеѣ можетъ соотвѣтствовать только идея же другого духа: то отсюда неоспоримо слѣдуетъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего матеріальнаго; что солнце, луна, земля и море, наше собственное тѣло и тѣла всѣхъ прочихъ людей суть только идеи нашего духа, существующія потолка-ку, поколику мы ихъ представляемъ. Слѣд. *идеализмъ* Беркли правильно утверждаетъ, что во всемъ мірѣ два только класса существъ: духи и идеи.

Беркли господствующей теоріи чувственнаго воспріятія принесъ въ жертву матеріальный міръ, а *Давидъ Юмъ*, извѣстный Историкъ и не менѣе извѣстный скептикъ, зашелъ по этому пути еще далѣе: онъ предразсудку школы пожертвовалъ даже міромъ духовнымъ, такъ что наконецъ дѣйствительно существующими остались однѣ только идеи, которые Юмъ называетъ *impressions*. (Идеями Юмъ называетъ только представленія памяти и воображенія, которыя не больше, какъ слѣдствія тѣхъ *impressions*). Мы не смѣемъ утверждать бытіе даже собственного нашего я: ибо то, что мы называемъ нашимъ духомъ, есть не что иное, какъ только рядъ тѣхъ *impressions* и идей, которыя являются въ нашемъ сознаніи.

Такимъ образомъ менѣе нежели въ одно столѣтіе идеи Декарта, которыя первоначально были только гипотезами для объясненія чувственнаго воспріятія

и другихъ отправленій духа, вытѣснили сперва воспріятіе потомъ предметы, а наконецъ и самый духъ, дабы самимъ только утвердиться въ безконечной пустотѣ вселенной. Вотъ доказательство, до какой степени послѣдовательная привязанность къ умозрительной какой-либо гипотезѣ можетъ посорить Философа съ здравымъ смысломъ человѣческимъ.

Обозрѣвая постепенное образованіе теорій чувственнаго воспріятія, въ немногихъ словахъ представимъ также систему *предопредѣленной гармоніи* знаменитаго *Лейбница*. Его ученіе согласно съ ученіемъ Декарта въ томъ отношеніи, что и по его словамъ раздраженіе нервовъ и мозга, и вообще перемѣны нашего тѣла, хотя безъ всякаго сомнѣнія дѣйствительно совершаются, но нисколько не способствуютъ къ произведенію воспріятій, которыя принадлежатъ одному только духу и имъ однимъ производятся. Напротивъ процессы въ тѣлѣ (это принадлежитъ одному уже Лейбницу) сопровождаютъ только духовную дѣятельность и идутъ съ нею параллельно, потому что Богъ въ самомъ началѣ такъ устроилъ и душу и тѣло, что измѣненія ихъ всегда состоятъ въ гармоніи. Слѣд. представленія о вещахъ внѣшняго міра мы имѣли бы и тогда, когда бы послѣднія совсѣмъ не существовали, или по волѣ Творца перестали бы существовать. Очевидно, что и эта теорія ведетъ къ идеализму, и хотя была бы даже удовлетворительна, но едва ли можетъ быть допущена, какъ ведущая къ детерминизму.

Отъ Философовъ, болѣе или менѣе благопріятствовавшихъ облагороживающему спиритуализму, пе-

рейдемъ теперь къ ученію тѣхъ, по мнѣнію которыхъ тѣло въ чувственномъ воспріятіи играетъ важнѣйшую роль. И это ученіе, противорѣчащее не только всеобщему чувству, но и всѣмъ высшимъ интересамъ человѣчества, мало по малу дошло до той крайности, что стали наконецъ думать, будто все можно объяснить однѣми органическими отправлениями тѣла, духу же никакого больше дѣла не оставили: почему нѣкоторые сочли себя даже въ правѣ, слово: духъ, какъ излишнее и безъ всякаго смысла, съ сихъ поръ совсѣмъ вычеркнуть изъ словаря человѣческаго. Слѣды психологическаго матеріализма, довольно рѣзко выраженнаго, замѣтны уже въ сочиненіи Томы Гоббеса (*Elementorum Philosophiae sectio I de corpore, sectio II de homine*), изданномъ еще въ XVII столѣтіи, но его взглядъ мало произвелъ дѣйствія на современниковъ, и только слава, которую Авторъ этой книги приобрѣлъ себѣ другими сочиненіями, относящимися къ Политикѣ и Государственному Праву, могла снискать ему нѣкоторыхъ читателей. Напротивъ матеріализмъ, раскрытый систематически и послѣ проповѣданной съ безстыднымъ отрицаніемъ всякаго высшаго самочувствія, есть уже исчадіе XVIII вѣка.

Кондильякъ пересадила на Французскую почву Локкову теорію о происхожденіи человѣческихъ познаній и упростилъ ее тѣмъ, что второй, указанный Локкомъ, источникъ нашихъ познаній, *reflexion* (внутреннее чувство), совершенно опровергнулъ, и все внутреннее, не только дѣятельности и состоянія, но и самыя способности къ онымъ, произвелъ изъ *ощущенія*, такъ что по его ученію во всей духовной жизни нѣтъ ничего, кромѣ *sensations* и *sensations*

transformées (ощущеній и ощущеній преобразованныхъ). Въ чемъ же состоитъ это ощущение? Кто имѣетъ въ немъ большее участіе, душа или тѣло? — Вопросы, отъ рѣшенія которыхъ все зависѣло и который въ это время рѣшаемъ былъ болѣе и болѣе въ пользу тѣла. Правда, Кондильякъ говоритъ еще, что ощущение есть какое-то необходимо пріятное или непріятное видоизмѣненіе души, къ которому раздраженіе органовъ служить только поводомъ, между тѣмъ ~~мысль~~ сама большую значимость приписываетъ сотрясеніямъ, происходящимъ, по общепринятому мнѣнію, въ нервахъ и мозгѣ; новое же его ученіе, что и самыя способности душевныя имѣютъ основаніе свое въ ощущеніи, поставляло душу въ весьма опасную зависимость отъ организаціи. Въ системѣ Швейцарца *Боннета* (*Essay de Psychologie, Londres, 1755 (anonyme)* и *Essay sur les facultés de l'ame, Copenhague et Genève, 1759*) эти измѣненія мозга, производимыя внѣшними впечатлѣніями, приобрѣтаютъ уже рѣшительный перевѣсъ надъ духомъ. — По его ученію, душа обитаетъ въ мозгѣ, не занимая впрочемъ въ немъ никакого пространства, то есть, она ему присуща, и, вѣроятно, главное пребываніе свое имѣетъ въ большой комиссурѣ, которая соединяетъ оба полушарія большаго мозга, гдѣ, какъ въ центрѣ, сходятся всѣ внѣшнія впечатлѣнія и гдѣ для каждаго органа есть определенное количество жилокъ и волоконъ, изъ которыхъ однѣ служатъ ощущенію, другія мышленію, третьи чувствованію и т. д., и потому называются у Боннета волокнами ощущательными, мыслительными, чувствовательными и т. д. Эти нервныя волокна или жилки внѣшними впечатлѣніями приводятся въ извѣстныя дрожанія или